

положение, когда на карте есть отсылочный знак, а в комментарии по этому поводу ничего не говорится. Например, п. 146 на карте № 13 помечен знаком для отдельных названий с корнем *крат-* (*крат-*), а в комментарии этот пункт не отмечен, так что остается неизвестным, каково название крата в этом говоре. См. также №№ 39, 73, 93 и др. В легенде на карте № 75 отсутствует отсылочный знак для отдельных единичных названий, указанных на карте при п. п. 208, 210.

В предисловии (стр. 10) сказано, что ударение в «Атласе» обозначается знаком акута (´). Между тем очень часто ударение обозначается и знаком ` (см. №№ 82, 91, 94, 105, 111 и мн. др.).

К сожалению, в «Атласе» отсутствует физическая карта Закарпатья. Необходимость ее очевидна, если иметь в виду горный ландшафт области.

Наконец, надо сказать, что «Атлас» удобен для работы. Он не велик по формату. Краткие комментарии даны рядом с картой на обратной стороне предшествующего листа.

В заключение хотелось бы специально отметить инициативу Ужгородского университета, предпринявшего и быстро осуществившего издание первой части «Атласа», и пожелать скорейшего выхода в свет новых томов этого поучительного труда. Диалектологи имеют теперь наглядный пример возможностей издания чрезвычайно необходимых для славянского языкознания областных атласов.

В. М. Илич-Свитыч, Г. К. Венедиктов

«Атлас болгарских говоров в СССР». Сост. С. В. Бернштейн, Е. В. Чешко, Э. П. Зеленина. Под ред. С. В. Бернштейна. — М., Изд-во АН СССР, 1958. 83 стр., 109 карт (Ил-т славяноведения).

Осенью 1958 г. вышел из печати давно ожидаемый «Атлас болгарских говоров в СССР». Он является результатом многолетнего и всестороннего изучения всех 104 болгарских говоров на юге Советского Союза. В настоящее время в СССР живет около 250 тысяч болгар. Компактные болгарские колонии имеются главным образом на территории Бессарабии (в бывшей Измаильской, теперь Одесской области УССР и в Молд. ССР), а также в Запорожье (УССР, вблизи Азовского моря). Начало болгарской колонизации в России относится ко второй половине XVIII в. Наиболее ранние волны колонизации шли из северо-восточной Болгарии (Ольшанка — 1773 г., массовая колонизация 1806—1812 гг.) и из юго-восточной Болгарии, т. е. из Фракии (1801—1806 гг.). Позже все больше иммигрирует население из южнобалканских областей, особенно из Ямбола и Сливена (массовая колонизация 1828—1830 гг.). Сначала болгары селились у Черного моря к северу от Одессы и Николаева. В конце русско-

турецкой войны 1806—1812 гг. появляются первые болгарские села в Бессарабии. Здесь возникает главный очаг болгарской колонизации с центром в Болграде. В 1861—1862 гг. более 20 тысяч колонистов было перемещено в районы, прилегающие к Азовскому морю (Запорожье).

«Атлас» состоит из двух основных самостоятельных частей: первая (83 стр.) содержит вступительные статьи и комментарии к картам, вторая часть состоит из 109 карт. Во «Введении» (5—8 стр.) освещаются различные методологические проблемы, связанные с лингвистическим картографированием, и подводятся наиболее существенные итоги, достигнутые исследованием всех 104 болгарских говоров на юге СССР. На данных «Атласа» основывается группировка болгарских говоров СССР. Касаясь вводных замечаний, следует отметить, что, признавая в полной мере значение «Атласа» для изучения болгарских говоров в СССР, а также и для изучения восточноболгарских диалектов вообще, мы все же полагаем, что выводы, сделанные авторами на основании изучения сильно смешанных говоров (причем соответствующих им исконных говоров на территории Болгарии мы, как правило, не знаем), представляются нам слишком далеко идущими. Общеизвестно, как значительны были перемещения населения на территории восточной Болгарии в течение XV—XX вв., как мало там коренного населения, особенно в северо-восточной части Болгарии, насколько сильным является переселенческий элемент также на территории балканских и фракийских говоров. С огромными трудностями сталкивается исследователь болгарских говоров на территории самой Болгарии. Что же касается сильно смешанных болгарских говоров СССР, то об их происхождении мы часто знаем весьма мало и во всяком случае не можем с уверенностью сказать, является ли непосредственный исходный пункт данного говора в Болгарии первоначальным постоянным местом жительства или только одним из этапов скитаний переселенцев. Нам представляются преувеличенными и на данном этапе изучения небудительными сделанные на основе такого материала некоторые далеко идущие выводы, например о генетической связи шуменского говора с южной Болгарией (этот вопрос представляется авторам «Атласа» окончательно решенным), о генетической связи чийшинского говора с северо-восточной Болгарией, а также о первичности балканских и фракийских говоров с артиклем *-o* (описанных еще Милетичем, который, видимо, справедливо отмечал их связь с экспансией загорского населения¹). Следует добавить, что Младенов и Кодов — авторы монографии о фракийских диалектах, являющейся до сих пор наиболее полной, решительно настаивают на типичности артикля *-o(m)*, предполагая, что

¹ L. Miletič, Das Ostbulgarische. Wien, 1903, стр. 23, 26—34.

вариант -о заимствован с запада². Форма -ът типична также в диалекте Странджии, в противоположность загорскому -о³.

Большое значение для изучения болгарских говоров СССР имеет II глава первой части, посвященная истории болгарской колонизации на территории бывшей Новороссии, Бессарабии и Приазовья (стр. 9—16). На основе в равной мере как кропотливого изучения архивных документов, так и исследования всех болгарских говоров Советского Союза здесь прослеживается история отдельных волн колонизации, что позволило во многих случаях корректировать прежний подход к вопросу. История изучения болгарского населения СССР освещается в главе III. После характеристики историко-статистических работ Скальковского, Тигорова, Клауса, относящихся к прошлому веку, авторы «Атласа» более подробно останавливаются на трудах Н. С. Державина, который положил начало подлинно научной этнографической и диалектологической работе в этой области. Ряд ценных поправок и замечаний к ним находим на стр. 19—20. Не располагая полным материалом, Державин не мог установить системы исследуемых говоров, связь между ними и ограничился только описанием языка отдельных населенных пунктов, что само по себе ценно, если учесть современное состояние науки в данной области. Жаль, что в этой главе хотя бы вкратце не сказано о внушительном развитии исследования болгарских говоров СССР, имевшем место по окончании последней войны. Сюда относятся прежде всего работы самого инициатора этих исследований проф. С. Б. Бернштейна, главного редактора «Атласа», а также его соавторов Е. В. Чешко, Э. П. Зеленной и многих других. Эти работы сосредоточены в специально созданном органе «Статьи и материалы по болгарской диалектологии» (Академия наук СССР, Институт славяноведения; вышло 9 томов, начиная с IX тома издание осуществляется совместно с Институтом болгарского языка Болгарской Академии наук). Был бы полезен по крайней мере библиографический перечень этих работ, среди которых имеется много монографических описаний.

Глава IV посвящена истории собирания материалов для «Атласа» (стр. 22—24). Замысел создания такого «Атласа» возник уже в 1936 г., однако серьезная работа началась лишь после войны, одновременно с созданием Института славяноведения в 1947 г. В 1948 г. после составления вопросника начались регулярные обследования, которые в основном были завершены во время трех главных экспедиций в 1948—1950 гг. Эта глава со-

держит список участников экспедиций, а также перечень обследованных пунктов. Очень жаль, что не дано хотя бы краткой характеристики этих населенных пунктов (даты основания деревни, данных относительно ее происхождения, а также краткой характеристики говора и основных информаторов). Отдельные данные о многих населенных пунктах, правда, представлены (в разных местах первой части и прежде всего во II главе), но они не могут заменить систематической характеристики обследованных населенных пунктов. На основе изучения 104 болгарских говоров южной части СССР для «Атласа» отобрано 64 пункта, главным образом на территории Бессарабии. Данные о Приазовье, подвергшемся вторичной колонизации после массового ухода населения из южной Бессарабии, были использованы в качестве очень ценного вспомогательного материала для характеристики бессарабских пунктов.

Вопросы, связанные с программой, методикой сбора и обработки материала, разработкой типа карт и принципов их построения, рассмотрены в V—VI главах (стр. 25—31). «Атлас» базируется на программе (вопроснике), содержащей 179 вопросов, которые легли в основу 210 карт (из них опубликовано только 109). К сожалению, неизвестно, будут ли опубликованы остальные карты. Не помещен также и вопросник — о нем мы можем судить лишь на основе опубликованных карт.

Поскольку качество атласа зависит прежде всего от вопросника, нужно рассмотреть подробнее вопросник «Атласа болгарских говоров СССР», еще раз оговорившись, что мы делаем это лишь на основании 109 карт. Последние делятся на три основные группы: 1) фонетика (48 карт), 2) морфология (22 карты), 3) лексика (36 карт). Фразеологии и семантике посвящено по одной карте. Первая карта «Атласа» тесно связана с VII главой первой части и отражает группировку болгарских говоров СССР.

Синтаксис и словообразование, как это видно из сказанного, вовсе не были затронуты, впрочем, как и во всех существующих атласах, что при современном состоянии исследований в обеих отраслях является вполне оправданным. Словообразованию, однако, следовало бы посвятить несколько вопросов, например деминутивных суффиксам -че, -ле (из карты 46, отражающей произношение шч в слове *нбище*, следует, что -ле — явление западное, -че — восточное). деминутивным суффиксам прилагательных, суффиксам имен действия -не, -еж и прежде всего проблеме суффикса -ък, -ок, что важно для изучения вокализации редуцированных в восточноболгарском диалекте (ср. шумен. *четертрок, петок, дубитук*)⁴.

Вопросник из области фонетики вполне исчерпывающий и охватывает все существ-

² См. «Тракийски сборник», кн. VI, («Бит и език на тракийските и малоазийските българии», ч. II—«Език»), София, 1936, стр. 78.

³ Ср. Ст. Стойков, Странджанският говор, «Български език», год. VII, 1957, стр. 208.

⁴ Ср. St. Mladenov, Geschichte der bulgarischen Sprache, Berlin und Leipzig, 1929, стр. 103.

венные болгарские черты. Совершенно справедливо большое внимание уделено важным языковым явлениям, которые обработаны на основе целого комплекса тщательно подобранных вопросов (например, произношению *ѣ* под ударением, развитию сонантов, следам среднеболгарского смешения юсов, развитию *x*). Следовало бы еще учесть развитие первичного *ь* (например, тип *дошѣл*, *дошѣл*; *темнѣца*, *тѣмнѣца*), безударных *ѣ*, *е*, *е*, *ь* (переходящих не только в *и*, но также в *'а*, *'ѣ*), параллель *е* — *је* в начале слова, случаи параллельности *ъ* — *у* (<*р* — *у*) в коренных слогах типа *гнѣсен*, *гнѣсен*; *скѣден*, *скѣден*, развитие первоначальных *чр*-, *чер*- перед согласным (о чем мы открыто узнаем из карт 10 и 37, посвященных другим вопросам), развитие *л* после *ж*, *ч*. В связи с рефлексом носового гласного в *деветдесе* (карта 17) хорошо было бы дать карту распространения по говорам слова *ѣндаа* «болезнь, рана» (праслав. *jeŋa*).

Проблемам ударения посвящено 6 карт: 4 — ударению в словах среднего рода (карты 9, 47—49), 2 — акцентуации императива (карты 70—71). Конечно, следовало бы принять во внимание целый ряд других явлений, например акцентуацию аориста, звательного падежа, существительных женского рода на *-а*, существительных типа *ѣма*, *срѣда*. В подготовляемом атласе исконных диалектов на территории самой Болгарии должны быть использованы последние работы Л. А. Булаховского по болгарской акцентологии.

В области морфологии также учтено огромное большинство наиболее существенных болгарских (особенно восточных) черт. Хорошо было бы также учесть некоторые другие важные черты, например: остатки инфинитива (хотя бы в императиве типа *нимојъ ѣбди*); императив 2-го лица множественного числа (*-ете* — типичное для Фракии *-ите*; правда, в 8-м вопросе выяснялось возможное произношение *направѣте*, *направ'ате* или *направѣте*, однако проблема морфологии здесь не рассматривается, внимание сосредоточено на произношении *ѣ*); развитие энклитических* *те*, *те*, *се*; новое причастие, образованное от основы имперфекта; наконец, зафиксированный не только для македонских, но также и для фракийских диалектов тип перфекта *имам стѣрено*, *немам пѣтено*.

Более трети «Атласа» составляют карты лексикологические. Главное внимание уделяется здесь названиям одежды, утвари, орудий, растений, домашних птиц и т. д. Это слова по большей части новые, заимствованные, реже — унаследованные от праславянского состояния. Представляется необходимым в большей степени учесть сохранившиеся праславянские слова, как, например, известные в болгарских говорах *ръль*, *brъv*, *brusnica*, *bordva*, *gumъno*: *tokъ*, *drъxъ*, *guditi gudjо*, *istъba*, *klѣтъ*, *которъ*, *kutiti*; *kutjо*, *lemeъ*, *pbstrъ*, *račiti*, *sanj*.

В главах V—VI находим сведения о выборе информаторов, способах получения и обработки собранного материала, а также о типах карт, о принципах их построения. Заслуживает внимания привлечение нескольких информаторов разного возраста (4—6 основных и несколько дополнительных). Вызывает беспокойство использование лиц, стоящих на разных культурных уровнях. К сожалению, нигде не приводится данных об информаторах (фамилий, возраста, характеристики). Следует подчеркнуть, что информация собиралась, как правило, на основе наблюдений над разговорным языком. Только в крайних случаях ставился прямой вопрос относительно данного предмета.

Основной целью работы было, с одной стороны, дать географический обзор распространения наиболее существенных фонетических, морфологических и лексических особенностей болгарских говоров СССР, с другой — что особенно важно для авторов «Атласа» — провести реконструкцию первичных черт начального периода их жизни на занимаемой теперь территории. Эта последняя задача находится в тесной связи с основным замыслом «Атласа» — установить генетические связи с исконными болгарскими диалектами. Необходимость реконструкции первичного состояния болгарских говоров СССР определяется тем, что многие из них, особенно на территории Бессарабии, являются сильно смешанными. Использование материалов Приазовья, а также исследование всех говоров в их совокупности сделало возможным достижение этой цели: мы имеем не только прекрасную характеристику современного состояния болгарских говоров СССР, но также и реконструкцию их состояния в конце XVIII и начале XIX в.

В связи со смешанным характером исследуемых диалектов делались попытки учесть первичные и вторичные варианты. Наличие вариантов и степень их распространения обозначены путем деления прямоугольников (которые соответствуют каждому отдельному говору) на части в горизонтальном и вертикальном направлениях. Говоры Приазовья обозначаются треугольниками. Почти все карты очень прозрачны. К каждой карте дается комментарий, основные задачи которого — подвести итоги по карте, сделать выводы, предупредить возможные неясности или трудности.

В результате изучения всех болгарских говоров СССР возникла их классификация, которой посвящена глава VII первой части (стр. 32—41) и карта 1. Первую попытку такой классификации С. Б. Бернштейн и Е. В. Чешко сделали еще в 1951 г.⁵ Оказывается, что болгарские говоры СССР не представляют собой «бессистемного конгломерата», который не укладывается в определенную систему, как счи-

⁵ С. Б. Бернштейн, Е. В. Чешко, Опыт классификации болгарских говоров СССР, «Уч. зап. Ин-та славяноведения [АН СССР]», т. IV, 1951.

тал когда-то Державин. Удалось показать несомненную связь отдельных говоров между собой, а также установить в некоторых случаях преемственность с исконными говорами Болгарии. Это, без сомнения, одно из больших достижений долгой и кропотливой работы над «Атласом». Конечно, не все группы определены в равной мере убедительно. Не всегда также можно согласиться с выводами, касающимися прошлого исконных диалектов Болгарии и сделанными авторами на основе изучения болгарских говоров СССР. Нам представляется, что окончательного решения этих вопросов нужно ждать до опубликования атласа исконных болгарских говоров, который сейчас готовится.

В говорах переселенцев из северо-восточной Болгарии авторы различают три типа: чумелийский, чийшийский и ольшанский. Совершенно ясным представляется нам чумелийский тип, являющийся безусловно продолжением болгарского шуменского диалекта. Очень интересен тип ольшанский, неизвестный до сих пор среди исконных диалектов Болгарии. Артикль *-o* и отсутствие следов среднеболгарского смещения юсов связывает его с чумелийско-шуменским типом. переход *ъ, а > ѓ* родствен некоторым балканским диалектам в Болгарии (Тетевен, Еркев). Вопреки существующим исследованиям (прежде всего работам Милетица), авторы «Атласа» считают первичным диалектом северо-восточной Болгарии чийшийский тип, отличающийся артиклем *-ъ*, следами среднеболгарского смещения юсов (*шъпа, жътеа*). *'a, e < ѓ*. Диалект шуменский, а также исконный диалект ольшанской группы происходят, следовательно, из южной Болгарии. В свете современных научных данных об этнических и языковых отношениях в северо-восточной Болгарии принять эти гипотезы трудно, пока они не подтверждены более серьезными аргументами. Немногочисленные южные шуменские черты (произношение первичного *ѓ*, некоторые особенности словаря) могли развиться совершенно независимо. Гораздо важнее различия, противоречащие этой концепции.

Мало правдоподобна также гипотеза, будто бы чийшийская группа относилась к первичному северо-восточному болгарскому диалекту. Все говорит о том, что эти говоры очень близки балканским. Об этом свидетельствуют такие языковые черты (очень важно, что это в огромном своем большинстве общие нововведения), как артикль *-ъ*, переход *ѓ > 'a, e*, сильная редукция безударных, тип *фър'ам, фл'аза*, аффриката *дз*. В некоторых балканских говорах встречается также типичное для чийшийской группы *шъпа, жътеа; пѓдна, глѓдна* и частица будущего времени *жъ*. Есть также общие чийшийско-балканские черты в области ударения и лексики.

Что касается балканских и фракийских говоров с артиклем *-o*, то следует еще добавить, что есть балканские говоры с артиклем *-o*, имеющие целый ряд черт, ко-

торые их объединяют с чумелийской группой (например говор Кирсова: см. «Атлас», ч. 1. стр. 37); есть также интересные общие лексические черты в балканской подгруппе с артиклем *-o* и чумелийской группе (ср. например. карты 81, 94, 96).

Авторы «Атласа» неудачно назвали сохранившийся в остатках говор села Новосельское «восточнородопским» говором⁶. Местность Алан-Кайрак, откуда, видимо, происходят жители Сатунова (прежнее название этой деревни), расположена на юге от Бургаса на территории страджанского диалекта⁷. Последние исследования над «Атласом болгарских говоров» показали, что Алан-Кайрак (ныне Ясная Поляна) был до завоевания независимости турецкой деревней с незначительной долей болгарского населения⁸.

В заключение несколько замечаний частного характера. На стр. 35 констатируется отсутствие каких-либо описаний диалектов на северо-восток от шуменского диалекта. При этом опущена работа Г. Поп Иванова «Говорът в южна Добруджа»⁹.

На стр. 41 в связи с характеристикой восточнородопского диалекта примеры типа *царѓн, црѓжа, царница* рассматриваются как слова, где *ц* произносится вместо *ч* в начале слова. Это неточность: здесь речь идет о рефлексгах праславянского *г* после *ѓ*, чему следовало бы посвятить специальную карту. На стр. 63 в комментарии к картам 47—49 содержится утверждение, что в сатуновском диалекте преобладающим является ударение на первом слоге. Карты 47—49, напротив, показывают преобладание окситонического типа ударения.

В комментарии к карте 72 следовало бы отметить, что *гал'чѓ* встречается также в Ольшанке, хотя в ином значении — «ругаться, браниться, спориться»¹⁰. В Сатунове *гѓлчѓ* появилось не под чийшийским влиянием. Этот глагол в том же самом значении известен также в центральных Родопах, например в сел. Момчиловци¹¹. Слово *бърни* (карта 74), встретившееся только в чийшийской группе, известно также в тайном языке каменщи-

⁶ Ср. также замечания Ст. Стойкова в его рецензии на «Атлас» («Български език», год. IX, кн. 2, 1959, стр. 188).

⁷ Ср. Л. Милетиѓ. указ. соч., стр. 208 и карта.

⁸ Ст. Стойков. указ. соч., стр. 206, замечание 3.

⁹ См. «Списание на Българската Академия на науките», кн. LXXI, Бюл. историко-филологичен, 34, 1950, стр. 161—182.

¹⁰ См. П. К. Бунина. Словарь говора ольшанских болгар. «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», вып. 5. М., 1954, стр. 16.

¹¹ См. Ст. К. Абасанов. Говорът на с. Момчиловци. Смолянско. «Известия на Института за български език», кн. IV, София, 1956, стр. 72.

ков деревни Смолско, Пирдопско¹². Характерное для чумшелейских говоров название колодца *убил* (карта 89) имеет соответствие в центрально-родопском *абдел* «источник» (**obelъ*)¹³.

Перечисленные мелкие недочеты, которых нельзя избежать в изданиях такого рода, не уменьшают значения «Атласа». Он дает точное представление не только о современном состоянии болгарских говоров СССР, но также и об их состоянии в конце XVIII и начале XIX в., обогащает болгарскую диалектологию целым рядом новых фактов. По-новому освещая вопросы классификации восточноболгарских диалектов, «Атлас», несомненно, вызовет полезную дискуссию. Он, безусловно, является одним из самых выдающихся трудов последних лет, посвященных болгарскому языку, и очень важен как методический образец для подготавливающегося атласа ископных диалектов Болгарии. Весь коллектив и прежде всего редактор С. Б. Бернштейн заслуживают искренней благодарности за серьезное издание, являющееся первым полным атласом одного из южнославянских языков.

Фр. Славский

Перевела с польского
З. Н. Стрекалова

J. Kjellberg. La langue de Gedeon Krinovskij, prédicateur russe du XVIII siècle. I.—Uppsala—Wiesbaden, 1957. 196 стр. (Uppsala Universitets Årsskrift, 7, 1957.)

Исследование Л. Чельберга посвящено языку одного из виднейших проповедников середины XVIII в. Гедеона Криновского (1726—1763 гг.)¹. Для языка Гедеона Криновского, как отмечали его современники и позднейшие исследователи, характерны элементы разговорной речи, что очень важно для понимания особенностей «духовного красноречия» той эпохи; в связи с этим язык Гедеона Криновского представляет особый интерес для изучения. Сближение языка проповеди с разговорной речью было сознательным стремлением Гедеона. В предисловии «К читателю» в «Собрании

¹² См. И. Кънчев. Таен зидарски говор от с. Смолско, Пирдопско, там же, стр. 389.

¹³ См. С. Т. Кабанов, указ. соч., стр. 71.

¹ Гедеон, епископ Псковский и Нарвский, человек словесный, ученый, просвещенный и искусный в красноречии и других науках. Сей, будучи придворным проповедником, сочинил много поучительных слов, которые собраны и напечатаны в 4 частях в Санктпетербурге в разных годах. Его сочинения весьма много похваляются, и некоторые проповеди равняются с Феофановыми. и он по справедливости почтается красноречивейшим и в числе Российских проповедников. Он скончался в 1763 г., имея не более 40 лет от рождения» («Словарь исторический...», ч. IV, М., 1790, стр. 95).

поучительных слов» (т. 1, СПб., 1755, стр. IX) он писал: «... ни о чем больше он (автор.—С.К.) не старался, только чтоб как можно внятнее представить народу, о чем когда намерен был говорить к нему. А понеже между народом большая бывает часть исученых и простых, которым высокостильных бесед разуместь трудно и невозможно, то уж он ради произведения в действо своего намерения за такие меры и непременно принять был должен, которые и самым не книжным простолюдным могли сделать слова его легко уразумительными».

Книга составляет первую часть исследования. В нее входит: введение, характеристика первых двух приближенных изданий со стороны графики, орфографии, фонетических и морфологических особенностей, отраженных в печати. Ударение, словарь и синтаксис, а также библиография составят предмет следующей части.

Начало исследования посвящено характеристике личности Гедеона, и здесь Л. Чельберг использовал едва ли не все опубликованные материалы. Значительное место отводится описанию литературного наследия Гедеона. При жизни сочинения проповедника издавались дважды: первое издание печаталось Академией наук гражданским шрифтом, в четырех томах (СПб., 1755—1759 гг.), второе — церковнославянским шрифтом, в двух томах (М., 1760 г.)². Чельберг дает сравнительное описание обоих изданий, обращая внимание на различия в графике и орфографии. На этой счастливой возможности основана вся работа, на ней строятся наиболее ценные выводы исследования.

Графика первого издания не представляет большого интереса. Это «гражданка», несколько более модифицированная, чем в академических изданиях 30-х годов: второе издание, напечатанное церковнославянским шрифтом, в графике и орфографии обнаруживает заметные отступления от традиционной старославянской печати и в общем придерживается уже норм середины XVIII в. (см. библию 1751 г.). Как и в других изданиях этого времени, во втором издании проповедей Гедеона употребление гласных и надстрочных букв в ряде случаев определяется позицией букв в слове или необходимостью различать грамматические формы.

Что касается орфографии, то в первом издании больше, чем во втором, прослеживается отражение живой и даже диалектной речи, например больше колебаний в пра-

² Это единственный источник, по которому можно знакомиться с языком Гедеона, если не считать нескольких документов делового стиля, не представляющих интереса с точки зрения языка. Митрополит Платон, ученик Гедеона, упоминал о существовавшей у него ученой переписке своего патрона, достигавшей сотни единиц, по стилю «гораздо острее и выше» проповедей. Для изучения языка и стиля Гедеона эта переписка имела бы чрезвычайное значение.